

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ БИБЛЕЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ЯЗЫКЕ Л.Н. ТОЛСТОГО

ОЛЬГА ЛОМАКИНА
Московский институт иностранных языков
rusoturisto07@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Статья продолжает исследования, посвященные изучению фразеологии языка Л.Н. Толстого. Автор, проанализировав фразеологический фонд языка Л.Н. Толстого, описал некоторые особенности употребления библейской фразеологии писателем. Особое внимание уделяется изменению компонентного состава: субституции, расширению и сужению компонентного состава фразеологической единицы. Приводятся примеры окказионального преобразования библейских фразеологических единиц.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Библия, источник фразеологии, библеизм, библейская фразеологическая единица, язык Л.Н. Толстого, трансформации фразеологических единиц.

THE PECULIARITIES OF BIBLICAL PHRASEOLOGICAL UNITS IN LEO TOLSTOY LANGUAGE

OLGA LOMAKINA
Moscow Institute of Foreign Languages

ABSTRACT

The article is the sequel of the research dealing with the Leo Tolstoy language phraseology. Having analyzed the Tolstoy language phraseology fund, the author describes some peculiar features of biblical phraseological unit's usage. Special attention is paid to the changing of components: substitutions, widening and narrowing of the components of phraseological units. The examples of such occasional transformations are made.

KEY WORDS: Bible, phraseology origin, biblical expression, biblical phraseological unit, L. Tolstoy language, transformations of phraseological units.

Библия – это священная книга христиан, выдающееся явление мировой культуры, которое может рассматриваться как «источник философствования» (К. Ясперс), как «явление высшей духовной сущности» (С. Булгаков).

Известно, что, наряду с античной мифологией, народной речью, терминологией, профессиональной речью, художественной литературой и синтетическими видами искусства, Священное Писание является одним из

основных источников фразеологии (см.: Абакумов 1936; Бабкин 1970; Кунин 1996; Назарян 1987; Шулежкова 2002). Кроме того, как Библия, так и библейские словари являются основой формирования значений библеизмов (лексических и фразеологических единиц).

Неоднократно отмечалось, что в русском и европейских языках библейские фразеологизмы не имеют полного соответствия ни в плане содержания, ни в плане выражения; различается количественный состав библейской фразеологии (Гак 1997: 14). В.Г. Гак называет два основных фактора расхождений между фразеологическими единицами (ФЕ) в разных языках: объективный и субъективный. К объективным обстоятельствам он относит *«природные и культурные реальности, свойственные одной стране и отсутствующие в другой»*, *«субъективный фактор заключается в самой произвольной избирательности, когда одни и те же реальности, равно свойственные двум цивилизациям, трактуются по-разному во фразеологии двух языков»* (Гак 1997: 55).

Интерес к Библии как источнику образования ФЕ сохраняется в отечественном языковедении на протяжении последних двадцати лет. Несмотря на своеобразную «лингвистическую» моду, коснувшуюся и библейской фразеологии, многочисленные исследования, предпринятые в этом направлении, до настоящего времени до конца не сформирован терминологический аппарат, отсутствует четкое понятие библеизма.

В современной российской фразеологии параллельно используются следующие термины¹: библейские слова (Н. Николаюк), библейские изречения (А.В. Медведев), библейские выражения (А. Бирих, Й. Матешич), библейские крылатые слова, крылатые выражения (А.К. Бирих, Й. Матешич, В.Л. Ширяев, С.Г. Шулежкова), библейские обороты, библейские цитаты (Е.М. Верещагин), библейские фразеологизмы (В.Г. Гак, Л.М. Грановская, И. Гури, К.Н. Дубровина, Л.В. Жильцова Л.Г. Кочедыков), фразеологические библеизмы (В.М. Мокиенко, Т.М. Шихова), библейские фразеологические единицы (Ю.А. Гвоздарев, В.А. Мендельсон), фразеологические единицы, восходящие к Библии (З.И. Семенова), фразеологические единицы (фразеологизмы) библейского происхождения (В.Г. Дидковская, Г.А. Лилич, Т.И. Кошелева, А.О. Жолобова, Е.П. Прокофьева, Я.С. Зайцева), коммуникативные фрагменты (К.С.Суслова), библейская реминисценция (Ю.Т. Листрова-Правда) – для обозначения любой связи некоего элемента текста с Библией.

В качестве рабочего мы будем использовать термин библейская фразеологическая единица (БФЕ) – устойчивое сочетание слов, обладающее целостным значением и восходящее по своему происхождению к Библии. К числу БФЕ мы не относим собственно библеизмы – отдельные слова, восходящие к текстам Священного

¹ Большую часть терминов приводит А.В. Григорьев (Григорьев 2006, 2008).

Писания, в т.ч. топонимы (*Вавилон, Назарет* и др.), антропонимы (*Ной, Каин* и др.), которые имеют прецедентный характер, но односложны.

Количественный состав БФЕ до настоящего времени окончательно не определен и зависит от понимания объемов библейской фразеологии. По подсчетам А.В. Григорьева в русском языке к Библии восходит свыше 200 ФЕ (Григорьев 2006), С.Г. Шулежкова указывает на более чем 800 единиц (включая крылатые) (Шулежкова 2002), в «Словарь иноязычных выражений и слов» А.М. Бабкина и В.В. Шендецова (Бабкин, Шендецов 1994) включено почти 140 иноязычных библеизмов. Составители современных словарей фиксируют паремии, крылатые выражения, перифразы – все устойчивые единицы, восходящие к Библии, поэтому количественный состав представлен большим числом единиц. Например, «Толковый словарь библейских выражений и слов» В.М. Мокиенко, Г.А. Лилич, О.И. Трофимкиной (Мокиенко, Лилич, Трофимкина 2010) содержит около 2000 единиц.

Корпус библейской фразеологии зависит от степени связи единицы с текстом Священного Писания – от аллюзии и реминисценции до крылатого выражения и паремии. В зависимости от пути фразеологизации Ю.А. Гвоздарев выделил 4 группы БФЕ:

- 1) детерминированные семантически общим содержанием Библии,
- 2) детерминированные семантически конкретным сюжетом, но не представленные данным лексическим составом в текстах Библии,
- 3) детерминированные лексически, т.е. образованные на базе свободных библейских словосочетаний, но получившие во фразеологии новое, фразеологическое значение,
- 4) детерминированные лексико-семантически, т.е. выступающие в Библии как ФЕ (Гвоздарев 1991: 59).

Говоря о специфике библейской фразеологии, В.Г. Гак выделяет пять оппозиций соотношению библейского текста и фразеологизмов:

- 1) с точки зрения соотношения с текстом Библии – контекстуальные (цитатные) / ситуативные,
- 2) наличие / отсутствие конкретного фразеологизма в том или ином языке,
- 3) в зависимости от непосредственной связи с библейским текстом – первичные (непосредственно отражающие фрагмент текста Библии или ситуацию) / вторичные,
- 4) по отношению к источнику – непосредственные / опосредованные (заимствованные из другого языка или из творчества отдельных авторов),
- 5) с учетом значения фразеологизма – прямые / переосмысленные (Гак 1997: 55-60).

Иногда связь с Библией как источником образования ФЕ условна. Такие языковые единицы были названы псевдобиблеизмами (В. Хлебда), максимально проявляющими национальное своеобразие любого языка.

Перспективным представляется изучение БФЕ в сравнительно-сопоставительном аспекте, в синхронии и диахронии, определение роли библейской фразеологии в языке определённого писателя.

БФЕ занимают значительное место во фразеологическом фонде русского языка. Проникновение библейской фразеологии в речь проходило не только под влиянием библейского текста, но и под воздействием русской литературы. Являясь одним из средств создания выразительности и экспрессивности, БФЕ и сегодня активно используются в публицистических и художественных текстах.

Стилистический потенциал БФЕ активно раскрывался русскими писателями. БФЕ, имеющие нейтральную или высокую стилистическую окраску, в контексте нередко получали ироническую или сатирическую окраску, т.е. происходил процесс десакрализации (Дубровина 2012: 156).

Фразеология языка Л.Н. Толстого многообразна по происхождению, писатель часто использует ФЕ библейского происхождения.

Цель данной статьи – показать особенности употребления БФЕ в текстологии Л.Н. Толстого.

В языке Л.Н. Толстого пространство БФЕ характеризуется большим разнообразием. Здесь представлены как собственно БФЕ (*аттическая соль, краугольный камень, злоба дня, камень преткновения, волк в овечьей шкуре, в поте лица, блудный сын, имя им легион* и мн. др.), так и цитаты библейского происхождения.

Известно, что авторские интенции выражаются в сильных позициях текста – названии, эпиграфе, именах собственных. БФЕ *служить Богу и мамоне* находит отражение в заглавии статьи Л.Н. Толстого антиалкогольного характера «Богу или мамоне» (1896).

В творчестве Л.Н. Толстого некоторые выражения получают фразеологическую детерминированность, что подтверждается лексикографически и контекстуально (см. примеры, представленные в национальном корпусе русского языка и в БТСРЯ). Так, БФЕ *власть тьмы*, восходящая к Новому Завету, обретает устойчивость, получает обобщенное значение благодаря одноименной пьесе, употребляется, когда говорят «О засилье невежества, отсталости, мракобесия; о власти реакции» (Берков, Мокиенко, Шулежкова 2008, 1: 179).

В качестве эпиграфа к роману «Анна Каренина» Л.Н. Толстой использовал библейское выражение *Мне отмщение и аз воздам*, которое в современном русском языке используется в следующих значениях:

1. Человек не должен мстить за себя: Бог воздаст каждому по справедливости. Формула непротивления злу в христианском учении.
2. Оправдание собственного противодействия злу (Берков, Мокиенко, Шулежкова 2008, 1: 623).

Писатель органично вплетает БФЕ в текст, характеризуя физическое и духовное состояние героев, оценивая определённые ситуации, события и факты, обобщая сказанное, обращаясь к авторитету библейского текста.

Так, например, БФЕ *имя им легион* употребляется в текстах разной функционально-стилистической направленности, когда говорится о неисчислимом множестве людей:

За отказом Ван-дер-Вера должны последовать всё чаще и чаще такие же отказы, а как только таких отказов будет много, так тотчас же те самые люди, которые вчера еще говорили (а имя им легион), что без войны нельзя жить, скажут, что они уже давно проповедуют безумие и безнравственность войны, советуют вам поступать так, как поступил Ван-дер-Вер, и от войны и войскав том виде, в котором они существуют теперь, останется одно воспоминание (Приближение конца, 1896).

Этот милый Свияжский, держащий при себе мысли только для общественного употребления и, очевидно, имеющий другие какие-то, тайные для Левина, основы жизни, и вместе с тем он с толпой, **имя которой легион**, руководящий общественным мнением чуждыми ему мыслями; этот озлобленный помещик, совершенно правый в своих рассуждениях, вымученных жизнью, но неправый своим озлоблением к целому классу, и самому лучшему классу России; собственное недовольство своею деятельностью и смутная надежда найти поправку всему этому – все это сливалось в чувство внутренней тревоги и ожидания близкого разрешения (Анна Каренина).

БФЕ употребляются не единично, претерпевая различные трансформации:

Всякое устройство своей жизни, всякая затея – связь, соблазн, и выкупать ничто ничего не может, потому что, как вы знаете так же, как и я, деятельности самой по себе никакой нет ни хорошей ни дурной; есть только хорошие или дурные побуждения. А считать какое-либо свое дело хорошим, позволять **левой знать, что делает правая**, оглядываться назад – нехорошо (Письмо В.Г. Черткову, 12 декабря 1890).

Не твори милостыни перед людьми, чтобы **левая рука не знала, что делает правая** (Письмо В.П. Заволокину, 14-18 января 1901 г.).

Приведем некоторые примеры. В следующих примерах видим узуальное и окказиональное варьирование БФЕ.

Ежели же уже невозможно **миновать этой чаши**, то будьте другом, пересмотрите корректуры и перекрестите, поправьте, что можно (Письмо В.П. Боткину, 3 мая 1859 г.).

Кажется, мы не минуем Голохвостовых, и жена звала их, если уже **не может чаша сия идти мимо** – приехать на Рождество (Письмо Н.Н. Страхову, 17-18 ноября 1876 г.).

Ср.: *миновала чаши* – «Кого-либо не постигла нелёгкая участь (болезнь, страдание и т.п.) (Шулежкова 2002, 2: 363).

В результате исследования БФЕ, использованных Л.Н. Толстым, выявлена способность фразеологического знака к различным типам варьирования, которое может носить как узуальный, так и окказиональный характер. Мастерство писателя при употреблении фразеологических средств языка проявляется в целенаправленном отборе того или иного варианта ФЕ.

В языке Л.Н.Толстого многочисленны примеры преобразований БФЕ, связанных с изменением компонентного состава: расширение (экспликация), сокращение (импликация), субституция. Рассмотрим некоторые примеры.

Эксплицирование БФЕ может происходить за счет самостоятельных и служебных слов. Для конкретизации значения БФЕ *краеугольный камень* («Прочная основа, на которой строится, возводится или покоится какая-либо система (в сфере науки, идеологии, морали), то, что определяет ее устойчивость и целостность» (Николаюк 1998: 232)) вводятся добавочные компоненты:

Одни, наблюдая те практические результаты, которые дало изучение древних после восстановления наук и искусств, требуют классического воспитания; другие, заметив особенно развитие в последнее время естественных наук, требуют, чтобы эти науки поставлены были на главное место; 3-и требуют, чтобы место это заняли практические знания; 4-е, слабо и без веры в собственные слова, говорят, что религия (та самая, в которую они сами не верят) должна служить как и прежде *краеугольным камнем* воспитания («О значении христианской религии»).

Эта поправка взгляда на жизнь, эта *meta poia* есть **краеугольный камень учения Христа**, как он и сказал в конце этой притчи («В чем моя вера?»).

ФЕ *краеугольный камень*, попадая в контекстуальное окружение, образует с отдельными словами и словосочетаниями единое целое, что помогает читателю понять, на что хочет обратить внимание писатель.

Сокращение БФЕ менее распространено в языке Л.Н. Толстого, чем расширение. На наш взгляд, перспективным является изучение особенностей употребления отдельных компонентов БФЕ в современном русском языке. Поскольку БФЕ по типу семантической слитности относятся к идиомам, то даже воспроизводимость отдельного компонента БФЕ (по выражению А.В. Жукова – слова-компонента) сохраняет образный характер. Компоненты ФЕ организованы по ядерно-периферийному принципу (Жуков 2008: 14), поэтому чаще вычленяется ядерный компонент БФЕ, являющийся лексически маркированным. Например, в

БФЕ *волосы встанут дыбом* («о крайней степени страха, ужаса»²) таким компонентом будет наречие *дыбом* («о чувстве ужаса, сильного страха, испытываемом кем-л.»³), а в БФЕ *соль земли* («лучшие представители народа, носители и хранители его духовных») лексически маркированным является компонент *соль* («особый смысл, сущность чего-л.»). В результате подобного варьирования БФЕ лексически маркированный компонент, как правило, сохраняется в отличие от периферийных компонентов БФЕ.

Рассмотрим примеры вычленения из состава ФЕ ключевого слова или сочетания:

И книга моя, и я сам есть обличение обманщиков, тех лжепророков, которые придут **в овечьей шкуре** и которых мы узнаем по плодам (Письмо Гр. А.А. Толстой 3 марта 1882 г.).

В следующем контексте наблюдаем коренное переосмысление ФЕ *волк в овечьей шкуре*:

Любовь не может быть вредной, но только бы она была любовь, а не **волк эгоизма в овечьей шкуре любви**. Только стоит спросить себя: готов ли я для его, её блага никогда не видать его, её, прекратить с ней, с ним сношения. Если нет, то это волк и его надо бить и убить. Я знаю Вашу религиозную и любящую душу и потому уверен, что вы победите волка, если он есть (Письмо И.М. Трегубову 19 июля 1897 г.).

Так, ФЕ библейского происхождения *волк в овечьей шкуре* – «человек, прикрывающий свои дурные намерения, действия маской добродетели» (ФСРЛЯ 1997, 1: 93) – в текстологии Л.Н. Толстого получает экспрессивную неодобрительную окраску и становится окказиональной путём замены компонента *волк* на *обманщиков, лжепророков*. Образная основа ФЕ сохраняется, происходит семантический сдвиг, увеличивается экспрессия единицы при помощи включения в контекст компонента другого фразеологизма *плодам* (ср.: *пожинать / пожать плоды*) в сочетании с глаголом *узнаём*.

Другим способом изменения компонентного состава БФЕ является субституция, «обязательным признаком лексической вариантности ФЕ является наличие хотя бы одного общего компонента» (Диброва 1979: 144).

В текстологии Л.Н. Толстого находим примеры различного рода субституций.

Разъяснение то, что вы, нищие – **соль земли**, и вы блаженны, потому что ваше царство Божие, но оно, ваше только тогда, когда вы соленая соль, когда знаете, что блаженство состоит в нищенстве, когда вы хотите его. Тогда вы **соль мира**. Вы украшение, смысл мира. Но если вы бродяги нечаянно и хотите быть не бродягами,

² Значение БФЕ приводятся по: (Николаюк 1998).

³ Лексические значения слов приводятся по: (БТСРЯ 1998).

то вы, как расселившаяся соль, уже никуда не годны, тогда вы отребье рода человеческого. Бродяги, нищие, недовольные своим положением, уже никуда не годятся, и поделом люди топчут их ногами (Соединение и перевод четырех Евангелий).

Как видно из приведенного примера, в контексте используется инвариант *соль земли* и трансформированный вариант этой БФЕ *соль мира*.

Иногда в качестве субститута компонента ФЕ может выступать слово или словосочетание, тематически не связанное с ним. При этом связь между элементами осуществляется на основе фразеологического значения, в особенности его образной составляющей. В качестве примера приведем окказиональную замену компонента БФЕ *козел отпущения* и *золотой телец*:

Войдя в гостиную, Степан Аркадьич извинился, объяснил, что был задержан тем князем, который был всегдашним **козлом-искупителем** всех его опаздываний и отлучек, и в одну минуту всех переизнакомил и, сведя Алексея Александровича с Сергеем Кознышевым, подпустил им тему об обрусении Польши, за которую они тотчас уцепились вместе с Песцовым (Анна Каренина).

Кроме того слова масонского устава: «буди ласков и приветлив» вспоминались ему. Он морщился, краснел, вставал и опускался, работая над собою в самом трудном для него в жизни деле — сказать неприятное в глаза человеку, сказать не то, чего ожидал этот человек, кто бы он ни был. Он так привык повиноваться этому тону небрежной самоуверенности князя Василия, что и теперь он чувствовал, что не в силах будет противостоять ей; но он чувствовал, что от того, что он скажет сейчас, будет зависеть вся дальнейшая судьба его: пойдет ли он по старой, прежней дороге, или по той новой, которая так привлекательно была указана ему масонами, и на которой он твердо верил, что найдет возрождение к новой жизни. — Ну, мой милый, — шутливо сказал князь Василий, — скажи же мне: «да», и я от себя напишу ей, и мы уьем **жирного тельца** (Война и мир).

Библейская фразеология, являясь своеобразной «вневременной формулой» (Т. Манн), активно использовались русскими писателями XIX в. Произведения А.С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, А. Н. Островского содержат БФЕ и иллюстрируют богатство состава и концептуального содержания библейской фразеологии, доказывая, что БФЕ не являются застывшими цитатами, не допускающими никаких изменений (Кунин 1996: 227).

Текстология Л.Н.Толстого насыщены характерными для русского менталитета XIX века не только БФЕ, но и цитатами, намеками на религиозные тексты от Ветхого и Нового Заветов до молитв. Анализ функционирования библейской фразеологии в языке Л.Н. Толстого показал, каким потенциалом обладают БФЕ. Различные структурно-семантические трансформации БФЕ способствуют их актуализации, изменению коннотации, показывают аксиологическую составляющую индивидуальной картины мира писателя. Если в художественном

произведении этот выбор продиктован замыслом писателя, идейной направленностью, смысловым содержанием, то в письмах и дневниках Л.Н.Толстой предстает перед нами не как художник, а скорее как человек, использующий БФЕ как для отражения своей духовной жизни, религиозных воззрений, так и для номинации явлений действительности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АБАКУМОВ, С.И. (1936), «Устойчивые сочетания слов», *Русский язык в школе*, 1, 18-25.
- БАБКИН, А.М. (1970), *Русская фразеология, ее развитие и источники*, Ленинград, Наука.
- БАБКИН, А.М., ШЕНДЕЦОВ, В.В. (1994), *Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода: В 3 т.*, Санкт-Петербург, КВОТАМ.
- БЕРКОВ, В.П., МОКИЕНКО, В.М., ШУЛЕЖКОВА, С.Г. (2008), *Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: Ок. 5000 ед.: в 2-х т., под ред. С.Г. Шулежковой*. Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universitat.
- БТСРЯ (1998), *Большой толковый словарь русского языка, Сост. и гл. ред. С.А.Кузнецов*, Санкт-Петербург, Норинт.
- ГАК, В.Г. (1997), «Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами)», *Вопросы языкознания*, 5, 55–65.
- ГВОЗДАРЕВ, Ю.А. (1991), «Библейские выражения в русской фразеологии», *Ядерно-периферийные отношения в области лексики и фразеологии (на материале русского языка): Тез. докл. респ. конф.*, Новгород, 58-60.
- ГРИГОРЬЕВ, А.В. (2006), *Русская библейская фразеология в контексте культуры*, Москва, Индрик.
- ГРИГОРЬЕВ, А.В. (2008), «Русская библейская фразеология и раннехристианская богословская мысль», *Знание. Понимание. Умение*, 3, 193-197.
- ДИБРОВА, Е.И. (1979), *Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке*, Ростов-на-Дону, Издательство Ростовского университета.
- ДУБРОВИНА, К.Н. (2012), *Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре*, Москва, Флинта – Наука.
- ЖУКОВ, А.В. (2008), *Очерки по фразеологической семантике*, Великий Новгород, НовГУ им. Ярослава Мудрого.
- КУНИН, А.В. (1996), *Курс фразеологии современного английского языка*, Москва, Высшая школа; Дубна, Феникс.
- ЛИСТРОВА-ПРАВДА, Ю.Т. (2004), «Библейские и иные текстовые реминисценции в русской литературной речи», *Вестник ВГУ. Серия «Филология и журналистика»*, 2, 78–84.
- МОКИЕНКО, В.М., ЛИЛИЧ, Г.А., ТРОФИМКИНА, О.И. (2010), *Толковый словарь библейских выражений и слов*, Москва, Астрель.
- НАЗАРЯН, А.Г. (1987), *Фразеология современного французского языка*, Москва, Высшая школа.

- НИКОЛАЮК, Н.Г. (1998), *Библейское слово в нашей речи. Словарь-справочник*, Санкт-Петербург, Светлячок.
- ФСРЛЯ (1997), *Фразеологический словарь русского литературного языка, В 2-х т., Сост. А.И. Федоров*, Москва, Цитадель.
- ШУЛЕЖКОВА, С.Г. (2002), *Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие*, Москва, Азбуковник, 2002.